

Маточкин Е.П.
(г.Горно-Алтайск)
СОВРЕМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ АЛТАЙСКИХ ЧАБАНОВ

Считалось, что время изваяний давно минуло, однако в Усть-Коксинском районе Республики Алтай автор обнаружил их современные аналоги, изготовленные из дерева. Полевые исследования искусства проводились нами в течение 1979-1999 годов. Данная работа является продолжением ряда публикаций искусства кучерлинских чабанов (Маточкин Е.П., 1989; Маточкин Е.П., 1997; Маточкин Е.П., 1999; Маточкин Е.П., 2001). Древних деревянных изваяний на Алтае не найдено, но многие исследователи полагают, что они также существовали наряду с каменными. Возможно, только этим можно объяснить большое число древнетюркских поминальных оградок без ритуальной скульптуры – их неперменного атрибута (Грязнов М.П., 1984, с.81).

Современные изваяния находятся, как правило, в местах летних высокогорных стоянок чабанов, возле их аилов. Нами зафиксированы скульптурные произведения в долинах рек Мойнок, Тегерик-Мыш, Кулагаш, Ороктой – притоков Каира, Кучерлы и Ак-Кема, а также на перевале Шараш. Все они были изготовлены жителями из поселения Кучерла из дерева. Для этой цели используется подходящий пень или ствол дерева, а укрепляют изваяния с помощью камней, набрасываемых в виде небольшой горки.

Изваяние на перевале Шараш

Это наиболее ранняя антропоморфная скульптура. Она создана из ствола кедра диаметром 16 см и высотой 68 см. На ней вырезана дата – 07-72 г (июль 1972 г.). Гладкий ствол оканчивается небольшой головой, обращенной лицом на запад. Возможно, это связано с тем, что именно в западном направлении находится родное для алтайцев поселение Кучерла. Как выяснилось, изваяние представляет конкретного человека – Челбая Кунеева, первого председателя местного

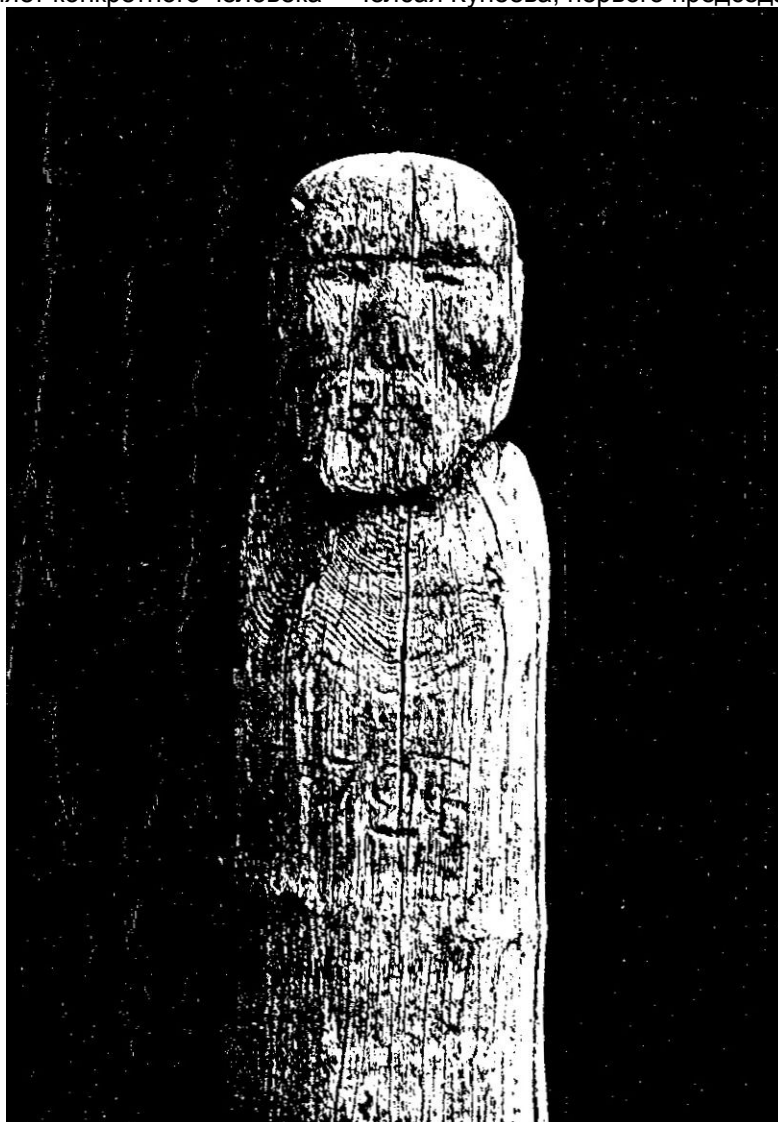

Рис.1

колхоза, участника Великой Отечественной войны. Этот всеми уважаемый человек в старческом возрасте работал в этих местах чабаном. В память о нём и было поставлено данное изваяние.

Внешний облик статуи схож со своими древними предшественниками, например, с известной скульптурой из Айлягуша (Кубарев В.Д., 1984, с.83). Здесь те же пропорции головы и условного туловища без рук. Фронтальный план «читается» в виде характерного для древнетюркской скульптуры силуэта. Это прежде всего четко-очерченный профиль головы, небольшой рот, прорезной контур глаз, а также выполненные с помощью С-образной скобки уши (Иванов С.В., 1979, с.186). В профильной проекции осевая линия головы смещена относительно центральной вертикали ствола. В моделировке головы мастер пошел на известный компромисс между уплощенной пластикой древнетюркских изваяний и исходно заданным цилиндром. Резчик сохранил верхний объем круглым, но с фронтальной стороны стесал его так, что получилась плоскость прямоугольного сечения и потому проработка лица свелась фактически к глубокому рельефу, как в каменотесной скульптуре.

У изваяния маленький лоб, большие неравные скулы, совсем разные глаза, втянутые щёки, усы, сливающиеся с бородой, которая слегка выступает небольшими клинышками. Тип лица типично алтайский – с широким приплюснутым носом и небольшими миндалевидными глазами. Они посажены достаточно глубоко, а верхняя прорезь сделана так круто, что из-за падающих теней создается впечатление старческого прищура.

Особую выразительность придаёт скульптуре фактура дерева с годовыми кольцами. Череда их полос довольно естественно и рельефно обрисовывает объем лица. Линии колец идут надбровными дугами и морщинами на лбу, усиливают углубление глаз, выпуклостей скул и носа и словно пряди волос ниспадают на усах и бороде. Светлые и темные извивы дерева вместе с игрой света и тени сообщают лицу определённую живость.

Если в боковом виде ваятель работал крупными массами, резкими срезами форм, то во фронтальном все смягчено, приглушено. Одни сглаженные объемы перетекают в другие. Фактура поверхности гладкая, так что прикосновения ножа почти незаметны. Даже стесанные плоскости в районе груди и плеч мягко переходят одна в другую. Легкой волной моделированы крылья носа. Это своеобразие пластического языка органично выражает психологическое состояние человека, спокойно смотрящего вперед и погруженного в свои мысли.

В целом, можно сказать, в современном изваянии на перевале Шараш сочетаются традиционная монументальность силуэтной формы и камерность индивидуального облика, наследование древних и внедрение новых пластических средств выразительности. Самое же главное, сохраняется художественная концепция образа человека-пространства, при которой антропоморфная фигура связывается воедино с окружающей панорамой. В данном случае к ней добавляется существенный «реалистический» компонент, связанный с памятью о земле и деятельностью на ней человека.

На оборотной стороне изваяния, на спине фигуры вырезана личина. У нее два сильно раскосых выпученных глаза с проколотыми зрачками, плоский нос с выделенными крыльями, глубокая впадина широко раскрытого рта, обведенных полосками губ и слегка намеченная складка на щеке. Ниже находится бесформенный скол. Культура работы по дереву тут совершенно иная. По своей эмоционально-образной выразительности личина в какой-то мере напоминает устрашающие ламаистские маски.

Изваяние в Тегерик-Мыше

Изваяние вырезано из пня кедра, росшего на поляне возле аила "Кыргыз". Отсюда, с большой высоты, за антропоморфной фигурой на юг просматривается вся благодатная для охоты долина Кучерлы. Точной даты изготовления изваяния неизвестно, однако в 1979 году, когда мы его зафиксировали, следы обработки дерева были совсем свежие. У самой земли ствол подрублен так, что образовалось что-то вроде небольшой полочки. Далее следует туловище в виде необработанного отрезка дерева, диаметром 28 см. Высота туловища (30см) равна высоте головы. Яйцевидный объем головы, сужающийся к шее и уплощенный на макушке, посажен на скошенный, подымающийся к спине поперечный срез дерева. Далеко отстоящие уши фигурируют в виде непроработанных

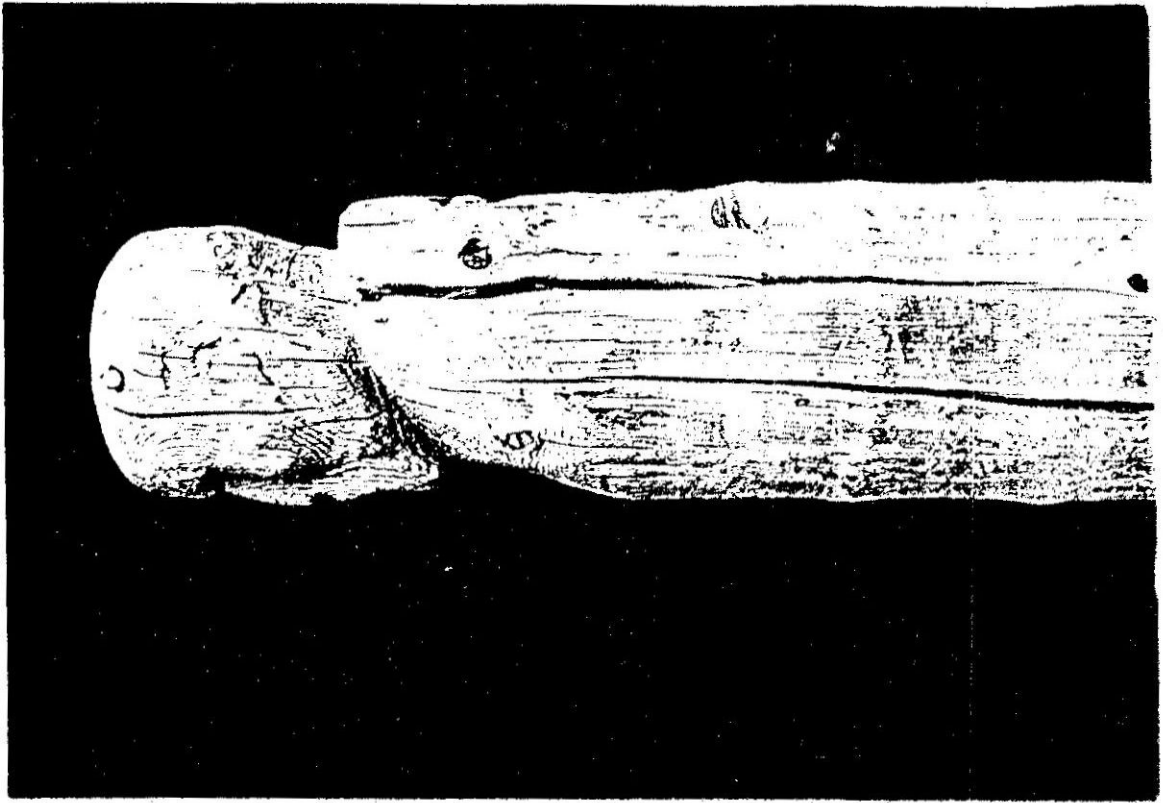

Рис. 3

Рис. 4

прямоугольных объемов. Глаза – типично алтайские, подбородок – заостренный. На лице выделяются высоко подрубленные ровные линии бровей, длинные, расходящиеся углом усы и довольно большой рот. Наклоненной внутрь плоскости лица противостоит выделяющаяся вертикаль носа. Нос вырезан в виде расширяющегося книзу треугольника, который начинается не с переносицы, а прямо со лба. Но именно такая пластическая особенность была присуща скульптурному образу тайгама (шалыга) – духа охоты и покровителя промысла (Иванов С.В., 1979, с.14). В то же время профиль головы изваяния близок антропоморфной культовой скульптуре алтайцев из коллекции МАЭ (Иванов С.В., 1979, с.172). Здесь те же далеко отстоящие друг от друга губы и та же вогнутая линза лица, начинающаяся у лба и кончающаяся у подбородка.

И все же, несмотря на явное следование традиционной стилистике, облик современного чабанского произведения более очеловечен и прежде всего потому, что в данном случае скульптура круглая и в её пластике проявляется не только условное, но и реалистическое начало. Оно сказалось в изображении ушей и в достаточно свободной моделировке глаз, не следующей существовавшим ранее канонам.

Рис.6

Изваяние в Мойноке

Изваяние установлено среди скалистых выходов на травянистом склоне возле аила в глубокой долине ручья Мойнок. Скульптура вырезана из лиственницы и по своим размерам достаточно близка

Рис.6

изваянию на перевале Шараш. Диаметр ствола 20 см, высота 86 см. Изваяние датировано 1981 годом. По своему исполнению это произведение заметно отличается от двух предыдущих. Характер силуэта здесь почти отвлеченный из-за геометрической стилизованности объемов. Действительно, изваяние фактически представляет из себя систему, состоящую из трех цилиндров. Нижний цилиндр ствола служит туловищем. Средний, меньшего диаметра, оставленный без заглаживания после грубой работы топором, является шеей. Верхний цилиндр головы мягко закруглен в форме шлема. Вследствие подобия форм и устойчивости вертикальной оси скульптура обретает цельную и крепкую архитектурную организованность.

Из-за сильной крутизны склона изваяние в Мойноке рассчитано не на круговой обзор, и потому его основная выразительность падает на передний фронтальный план. В рассмотренных ранее случаях голова была уменьшена в диаметре для соответствия с туловищем. Здесь же реальные пропорции не соблюдены, и голова смотрится гораздо значительнее и весомее. Более того, из-за длинной и тонкой шеи зрительный эффект массы головы еще более возрастает. Нельзя не отметить, что внешний вид изваяния имеет несколько фаллический характер.

Фронтальная плоскость головы стесана вертикальным, срезом, так что моделировка лица свелась к плоскому рельефу. Выборка же поверхности проводилась по определенному силуэту, ограниченному линией бровей и обрамлением волос. К тому же волосы подкрашены чёрным цветом, что заметно оттенило светлую плоскость лица. Разводы годичных колец, которые так удачно использовались в изваянии на перевале Шараш, здесь не только не помогают выразительности объемов, но скорее отвлекают от восприятия ровной и симметричной плоскости лица. В его пластике господствуют прямые линии носа и четкие, дугообразные контуры. Большие глаза нарисованы карандашом. На ровной поверхности выделены лишь складки щек и губы слегка открытого рта. Дуги бровей опускаются вниз и идут до широких нижних челюстей, ограничивая шапку волос.

И цельностью своей архитектоники, и выразительностью лица изваяние в Мойноке оставляет впечатление напряженной мощи и богатырского величия. Для создания такого эффекта мастер прибег к наглядной пластической аллегории, выстроив свои контуры по принципу натянутой стрелы. Действительно, и скобки щек, и дуги бровей, и линия лба, и сам абрис головы – все, словно выгнутая дуга лука.

Рис.7

алтайских шаманских бубнах. В свою очередь эта шаманистическая резьба наследует некоторые иконографические черты ещё древнетюркского искусства. Эту связь проследил в своих работах С.В.Иванов. Он отмечал, что для скульптуры духа-предка шамана – Ээзи и для каменных изваяний VI-VIII вв. характерны строгая фронтальность, статичность, обобщенные, порой геометризованные формы. Достаточно отчетливо пластическая общность проступает в трактовке человеческого лица: в четко очерченном профиле головы, небольшом рте, в надбровной линии, имеющей форму фигурной скобки, в часто встречающейся слитной форме бровей и носа (Иванов С.В., 1979, с.186).

Все эти сопоставления и выводы имеют для анализа кучерлинских деревянных изваяний основополагающее значение. Можно буквально продолжить линию подобных сравнений. Действительно, в рассматриваемых скульптурах также преобладают фронтальность, статичность, обобщенные, геометризованные формы. Все эти качества особенно характерны для изваяния в Мойноке. В изваяниях же на перевале Шараш и в Тегерик-Мыше, наряду с фронтальными, существенную роль играют боковые виды, но именно в них более заметны статичность, обобщенность, геометризованность форм, тогда как в моделировке лица сказывается влияние круглой скульптуры и оживляющая его пластику светотень.

В трактовке головы современные алтайские мастера придерживаются того же четко очерченного профиля. Особенно характерный "тюркский" профиль с уплощенным лицом и длинным прямым носом у изваяния в Мойноке. Его можно было бы поставить в один ряд с профильными рисунками каменных и деревянных скульптур, которые приводил для сравнения С.В.Иванов (Иванов С.В., 1979, с.183-184). Небольшой рот у изваяния на перевале Шараш прикрыт усами и бородой, а в Мойноке рот у изваяния чрезвычайно близок по исполнению тому, как это делалось для скульптуры Ээзи. Слитная линия бровей и носа, характерная для древнетюркских изваяний и для шаманистической скульптуры, сглажена мягкой моделировкой объемов в первом изваянии, но достаточно ярко проступает во втором

подбородка, усиленная широкой тенью. Прямой нос, как готовая сорваться стрела, дополняет эту изобразительную идею до полного завершения.

Изваяние в Мойноке не представляет конкретного человека, это собирательный образ молодого алтайца, полного внутренней силы. Яркая выразительность облика, широко раскрытые глаза, уверенно смотрящие вперед, придают скульптурному произведению характер национально-значимого идеала.

Это оригинальное произведение создал талантливый резчик и рисовальщик, алтаец Юрий Сатушев (1961 г.р.). Помимо изваяния в Мойноке он вырезал скульптуру в Яманушке, а в долине Кулагаша – личину на стволе дерева.

Обычай изготовления изваяний не остался незамеченным и для детского творчества. В аиле Шараш Слава Ченчубаев (13 лет) вырезал несколько скульптурок, в том числе и небольшую фигурку богатыря. По внешнему облику это типичное изваяние с общим силуэтным решением, в котором преобладают объемы головы и туловища. В то же время шлем на голове, плащ и пластинчатая кольчуга говорят о следовании книжным иллюстрациям известного профессионального художника И.И. Ортонулова к алтайскому героическому эпосу, в частности, его образу богатыря Когютей-Мергена – героя сказания «Маадай-Кара».

В современных народных произведениях обнаруживается ясная преемственность с древними художественными традициями (частично она уже была отмечена выше). Ещё в начале XX века особой выразительностью отличалась антропоморфная скульптура на

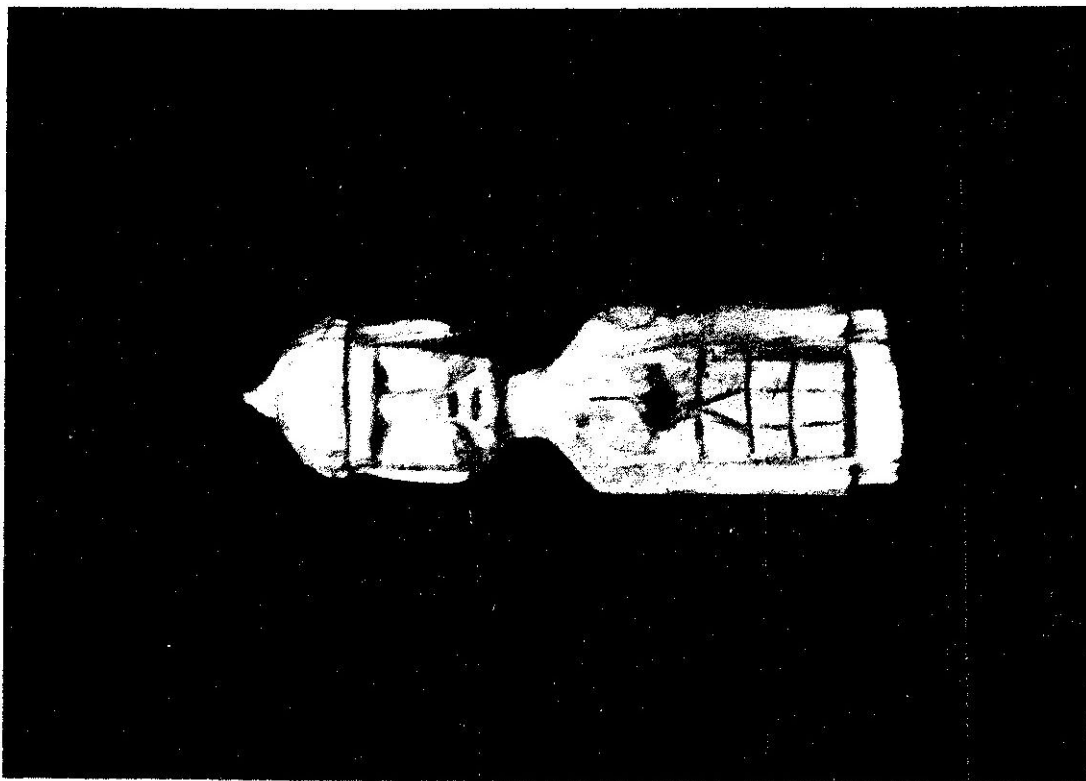

Рис. 9

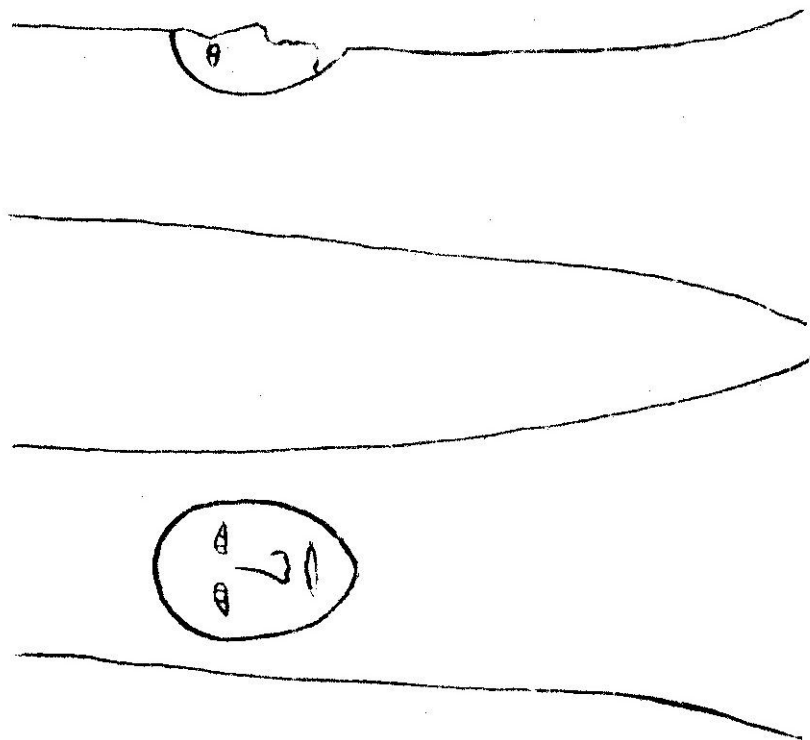

Рис. 8

Здесь линия волос непосредственно продолжает дуги бровей и идет под углом вниз, так что лицо смотрится как бы обрамленным шлемом – прием также характерный как для древнетюркских изваяний, так и для скульптуры на рукоятке бубнов (Иванов С.В., 1979, с.186).

Все указанные С.В.Ивановым традиционные приемы наследуются в современных деревянных изваяниях и в наиболее "чистом" виде возрождаются в изваянии в Мойноке. Однако архаизирующее начало не подавляет и органично усвоенного влияния круглой скульптуры и смелого, широко размаха линий рельефа. В традициях художественного мышления, сложившихся более тысячи лет назад, питавших шаманское искусство, сегодня вновь осознается живая сила, плодотворно проступающая в народном искусстве Горного Алтая.

Литература

1. Грязнов М.П. О монументальном искусстве на заре скифо-сибирских культур в степной Азии // Археологический сборник. – Л.: Искусство, 1984. – Вып.25. – С.76-82.
2. Иванов С.В. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар. – Л.: Наука, 1979. – 194 с.
3. Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1984. – 230 с.
4. Маточкин Е.П. Традиционные образы в современном искусстве алтайских чабанов // Известия СО АН СССР. Серия истории, филологии и философии. – Новосибирск: Наука, 1989. – Вып.1. – С.68-71;
5. Маточкин Е.П. Публикация рисунков алтайских чабанов // Алтайские героические сказания: Очи-Бала. Кан-Алтын. Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т.15. – Новосибирск: Наука, 1997. – С.617.
6. Маточкин Е.П. «Я здесь пишу рукой чабанской...» // Кан-Алтай, 1999. – №18. – С.6-7.
7. Маточкин Е.П. Современные рисунки алтайских чабанов // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 2001. – №6. – С.143-155.

Список иллюстраций к статье Маточкина Е.П.

- Рис.1. Изваяние на перевале Шараш. Фронтальный вид. Июль 1972. Кедр. Высота 68, диаметр ствола 16.
- Рис.2. Фотография Челбая Кунеева.
- Рис.3. Изваяние на перевале Шараш. Боковой вид.
- Рис.4. Личина на обороте изваяния на перевале Шараш.
- Рис.5. Изваяние в Тегерик-Мыше. 1970-е годы. Пень кедра. Высота 60, диаметр ствола 28.
- Рис.6. Изваяние в Мойноке. Боковой вид. 1981. Лиственница. Высота 86, диаметр ствола 20.
- Рис.7. Изваяние в Мойноке. Фронтальный вид.
- Рис.8. Личина на дереве в долине Кулагаша. 1980-е годы. Рисунок Ю.В.Сатушева.
- Рис.9. Детская скульптурка из аила Шараш. 1987. Кедр. 10x3,2x2,5.